

Дом открытых сердец, или как я стал геологом

Бывают люди, к которым приходишь первый раз, они открывают тебе дверь, и ты сразу чувствуешь себя дома. Сажает за стол, и разговор начинается сам собой, как будто, ты пару дней назад ушёл, и вы просто недоговорили. Разговор о прошлом и настоящем, о работе и хорошем отдыхе, о том, что давно прошло, и о том, что ещё будет впереди.

«КАК я стал геологом? Да в армии, в брошюрке агитационной, увидел танк, и всё! Я ж в ракетных войсках служил, а там установкой - на базе танков. Так что навыки были!

С земляком пришли в политотдел и выписали нам комсомольскую путёвку. «Везде же работать надо», - Владимир Аркадьевич Дождев гостеприимно наливает чаёк и начинает вспоминать свою геологическую молодость.

- В Тюмени попали в нелётную погоду. 8 суток пробыли там. Ели очень скромно, было-то с собой 10 рублей всего да проездной билет. Познакомились с механиком, он тоже в Мегион летел, дал нам два рубля. Извинился, что больше нет, сам уже две недели не может улететь. Потом старичок подошёл, бухгалтером сюда же летел: «Солдатики, вам же подъёмные должны дать», - и потащил куда надо. А на следующий день удачно взяли билеты и в 5 утра 18 декабря 1967 года были в Нижневартовске.

Удивительные открытость и простота, с которой люди помогали даже незнакомым людям, присущи, пожалуй, только этому времени. Хотя нет. В семье Дождевых они остались до сих пор. Владимир Аркадьевич с женой однажды помогли человеку с обмороженными руками, обогрели, вызвали «скорую», хотя во всём подъезде никто ему даже не открыл дверь.

- В 67-м аэропорт был земляной, ещё за Старым Вартовском. Нас до автовокзала довели, показали дорогу на Мегион, и мы... пошли! А на улице мороз - 43 градуса, солнце светит, 2 радуги. Я подготовился - кирзовые сапоги на размер больше взял, стельки тёплые, а товарищ - в хромовых сапогах. Ну, подвозили нас, конечно. Мы: «Сколько стоит?» А нам отвечали: «В следующий раз с такими вопросами попадёте, вообще не посадим!»

Тогда не принято было. Того, кто в мороз пешехода не подхватит, за человека не считали!

- Заходит механик, тогда начальников колонны не было, механик - и всё, он за всё отвечал. Глянул на нас - танкисты. Подписали нам направление, предложили ключи сразу от комнаты.

В общежитии нас хорошо встретили. Приехали - ни копейки не было, в первый день взяли себе первое, три куса хлеба да чай, а на следующий день парнишка к нам зашёл: «Так пошли ко мне!» Достал бутылку «Старки», мы выпили, на танцы засобирались. Он открывает шкаф - вы-

«Я на тракторе и тонул, и горел...»

бирайте! А тогда в комнате по 7 человек жили, так что было из чего выбрать. Мы переделались, и повёл он нас в колхозный клуб на танцы. А сейчас разве такое возможно?! Не-е-ет! Мы подружнее жили!

Да, другое, иначе всё сейчас. Другое время, другие люди. Интересно слушать ветерана-геолога, его рассказы о тех далёких годах, о первых рабочих днях, о том, как виделось всё молодому парню, приехавшему в новое незнакомое место.

- Я с первого дня на буровой в монтаж попал. Комсомольско-молодёжная бригада у нас была. Саша Кузяков - бригадир, он тогда, кстати, первый на Самотлор пробился. Тогда дорожных бригад не было. В экспедиции все были вместе: и флот, и авиация, и транспортный цех, и такелажники.

Пилотов я считал высшей расой, а они, как те же трактористы. Ни техников, ни бортехников: сам заводит, сам летит, всё сам! И в комбинезоне - ну, точно, тракторист».

Меня уговаривали на трактор сесть, но я хотел в танк - и всё! Тогда только на такой технике, что базируется на танковой ходовой, и ездили: вахты меняли, оборудование доставляли, да всё! Машины - то застревали. За зиму такой всезход проходил до 28 тысяч. Я на своём и тонул, и горел. Чего только не было!

Особенно запомнился большой пожар в октябре 1972 года: на Варьёганском месторождении вспыхнула скважина Р-6. Столб пламени взметнулся на высоту более километра.

Владимир Аркадьевич Дождев рассчитал подход к устью скважины:

- От факела такой жар был, что река поздней осенью тёплой стала. Гул стоял невозможный, оглохнуть можно было. Мы рыли траншею, заполняли её водой, и по-

ней два трактора с тросами потихоньку подбирались поближе. На трактора воду из шлангов лили постоянно, на нас были мокрые спецовки, чтобы не вспыхнули...

Много интересного может рассказать Владимир Аркадьевич о своей жизни и работе. Я слушала его истории и пыталась понять, какой же он, этот человек, который отдал всю свою жизнь геологии, тяжёлому труду в нелёгких условиях, живший уже 47 лет со своей женой, воспитавший троих детей и троих внуков! А главное о себе он в итоге сказал сам, и эти слова запомнятся надолго: «Самое плохое в человеке, я считаю, - это равнодушие». И это подтверждается каждым словом и действием Владимира Аркадьевича. Его ответственным отношением к работе, любовью к родным и близким, заботой о друзьях, участием в их судьбе. Он до сих пор помнит всех, с кем начинал работать, их имена, телефоны, адреса, дни рождения, звонит и поздравляет, собирает компании на праздники. Жалеет, когда кто-то не может приехать. С восхищением рассказывает о своих старших товарищах, об их достижениях и жизни. С уважением относится к мастерам своего дела и с гордостью рассказывает о знакомстве с такими людьми. Несмотря на свой возраст, он с энтузиазмом говорит об отдыхе на природе, о физическом труде, об огороде и бане, о том, как с семьёй ездит собирать грибы и ягоды и активно планирует следующий дачный сезон.

Двери его дома всегда открыты. Здесь с открытым сердцем ждут старых друзей и новых знакомых. Всегда готовы помочь и угостить вкусным чаем.